

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 1 (82). С. 36–42.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 1 (82):36–42.

Научная статья
УДК 94(47).084.8«1943/1945»
DOI 10.37724/RSU.2024.82.1.004

Трансформация образа врага в советской пропаганде на завершающем этапе Великой Отечественной войны, сентябрь 1943 года — май 1945 года

Олеся Сергеевна Макарова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
M9843711@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе архивных материалов рассмотрены особенности формирования образа врага на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Цель публикации заключается в изучении трансформации образа неприятеля в советской пропаганде с сентября 1943 года по май 1945 года для выявления его характерных особенностей. В качестве предмета исследования выступают закономерности исторического развития в аспекте работы органов пропаганды при создании образа врага в глазах широких масс общественности. Изучаются архивные материалы, в которых описывается пропагандистская работа, ведущаяся среди населения территорий, освобожденных РККА, пропагандистские акции, проводимые для жителей страны, включая операцию «Большой вальс», директивы, содержащие нормы обращения с населением территорий других государств, и др. Делаются выводы о неоднозначности оценок в отношении представления образа врага на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Осознание неизбежности скорой победы привело к необходимости трансформации облика противника, причем в ориентации не только на советскую армию и общество, но и на агрессора. Для того чтобы избежать ожесточения противника, оказавшегося в критической ситуации, в сознание советских воинов внедрялась идея о том, что мщение только отдаляет победу и умножает жертвы. Образ врага не смягчался, но становилась очевидной идея о гуманном отношении к тем, кто готов сложить оружие. Отмечается пропагандистское значение шествия военнопленных немцев 17 июля 1944 года. Подобное мероприятие имело огромное интернациональное значение, поскольку показывало реальное положение дел в некогда победоносной германской армии, когда впервые наглядно был продемонстрирован образ поверженного врага.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, образ врага, пропаганда, хиви, парад побежденных.

Для цитирования: Макарова О. С. Трансформация образа врага в советской пропаганде на завершающем этапе Великой Отечественной войны, сентябрь 1943 года — май 1945 года // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 1 (82). С. 36–42. DOI: 10.37724/RSU.2024.82.1.004.

Original article

Transformation of the image of the enemy in Soviet propaganda at the final stage of the Great Patriotic War, September 1943 — May 1945

Olesya S. Makarova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
M9843711@yandex.ru

Abstract. The article is based on archival materials. It examines the formation of the image of the enemy at the final stage of the Great Patriotic War. The publication looks into the transformation of the image of the enemy in Soviet propaganda from September 1943 to May 1945 to identify its characteristic features. The subject of the study

© Макарова О. С., 2024

is patterns of historical development in the aspect of the work of PR agencies in creating the image of the enemy in the eyes of the public. We have studied archival materials that describe the propaganda work carried out among the population of the territories liberated by the Red Army, propaganda campaigns carried out for the residents of the country, including the “Big Waltz Operation” (Parade of the Vanquished), directives containing standards for behavior to the population of the territories of other countries, etc. We demonstrate the ambiguity of assessments regarding the presentation of the image of the enemy at the final stage of the Great Patriotic War. The realization of the inevitability of our victory requires amendments to the image of the enemy, and in orientation not only towards the Soviet Army and society, but also towards the aggressor. In order to decrease the cruelty of the enemy in this critical situation, the idea was introduced into the consciousness of Soviet soldiers that vengeful behavior would only delay our victory and multiply victims. The image of the enemy was not softened, but the idea of a humane attitude towards those who were ready to lay down their arms became obvious. We analyze the propaganda significance of the procession of German prisoners of war (the Parade of the Vanquished) on July 17, 1944. This event was of great international significance, since it showed the real state of affairs in the formerly victorious German army, when for the first time the image of the defeated enemy was clearly demonstrated.

Keywords: Great Patriotic War, image of the enemy, propaganda, Khivi, Parade of the Vanquished.

For citation: Makarova O. S. Transformation of the image of the enemy in Soviet propaganda at the final stage of the Great Patriotic War, September 1943 — May 1945. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2024; 1 (82):36–42. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.82.1.004.

Введение

Актуальность изучения проблематики формирования образа врага определяется рядом факторов. Среди них следует отметить изменение обстановки на фронтах, желание обеспечить мобилизацию общества на борьбу с врагом, но не подорвать при этом его моральные устои, и др. Изучение данного опыта приобретает особую важность в связи с борьбой против возрождения идей нацизма в настоящее время. На протяжении Великой Отечественной войны образ врага в сознании советского народа претерпевал определенные изменения. Для мобилизации страны на борьбу с противником было необходимо привлечь все возможные ресурсы. Пропаганда оказалась нацелена на создание единого устойчивого образа противника в широком массовом сознании. На первый взгляд проблема могла решаться просто: требовалось донести до широких масс ужасы войны, показать преступления, совершаемые нацистами, и продемонстрировать, что ждет страну в случае поражения.

Ожесточение по отношению к противнику, справедливое желание отмщения могло создать опасность уподобления фашистам. Формирование образа врага не должно было привести к трансформации нравственных основ общества. Неприятель имел право рассчитывать на гуманное к себе отношение при условии лояльности к советским военнослужащим. Ситуация, сложившаяся к концу войны, в корне отличалась от трагических поражений 1941–1942 годов. Указанные факторы и предопределили актуальность изучения изменения образа врага в советской пропаганде. В числе исследовательских задач следует отметить выявление наиболее характерных и важных мероприятий, проводившихся в рамках пропагандистской работы 1943–1945 годов, в которых нашло отражение формирование облика противника.

Основная часть

На завершающем этапе Великой Отечественной войны в СССР стало очевидным, что фашистская Германия и ее сателлиты сломлены. Моральное состояние германской армии ухудшалось в связи с сокрушительными ударами Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), большими потерями в живой силе и технике. Благодаря этому эффективность советской пропаганды возросла. Советские пропагандисты производили перестройку агитационной политики.

В годы войны сотни тысяч советских солдат перешли на сторону врага и сражались в рядах вермахта в обычных строевых частях, а также национальных формированиях и различных полицейских подразделениях. Самой распространенной группой были так называемые добровольные помощники «хиви» — *Hilfswilliger, Ost-Hilfswilligen*. Попадая в советский плен, они,

как правило, именовались «власовцами» по имени командующего Русской освободительной армией (РОА) А. А. Власова, хотя в подавляющем большинстве случаев не имели к нему никакого отношения.

Хиви изначально должны были выполнять функции содействия солдатам вермахта в качестве подносчиков боеприпасов, водителей грузовых автомобилей, поваров и т. п. Но по мере роста потерь германской армии их все более активно привлекали к участию в боевых действиях. Предатели участвовали и в карательных акциях, выполняли полицейские функции, охраняли концентрационные лагеря и т. п.

Источниками пополнения их рядов были переход на сторону врага (часто ради сохранения своей жизни), добровольная сдача в плен по идейным соображениям, призыв в ряды вермахта и войск СС мужского населения на оккупированных территориях и пр. Хиви принимали присягу на верность врагу. Отношение к данным лицам советских солдат, а также мирного населения было в целом резко негативным. Помощники вермахта однозначно воспринимались как предатели. При этом речь шла не о навязываемом властью стереотипе врага. Человек, одевший форму противника и ставший на его сторону, в моральной оценке был хуже, чем немецкий солдат. Оказавшись на линии боевого соприкосновения, хиви и власовцы часто яростно сопротивлялись, понимая, что не будут рассматриваться как военнопленные. Они — преступники, предавшие свою страну. В плен их обычно не брали, убивая на месте. Случалось, что советские военнопленные, надевшие вражескую форму, при первой возможности пытались вернуться к своим и попадали в фильтрационные лагеря на допросы сотрудников Смерша (сокр. «смерть шпионам»).

Многие карательные отряды были сформированы именно из числа военнопленных. Фанатичных врагов советской власти среди предателей было не так много. Большинство из них стремились сохранить свою жизнь любой ценой. Именно на это делала упор советская пропаганда. Вот пример одной из типичных листовок, обращенных к хиви: «Хочешь жить, хочешь искупить свою вину перед Родиной — забирай немецкое оружие и уходи в партизанский отряд. Там встретят тебя родные русские люди. Вместе с ними ты сможешь выполнить свой священный долг перед Родиной. Перед русским народом...» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 138]. Показателен акцент листовки: предатель, прежде всего, русский человек и служит иноземцам, которые по своей природе являются врагами. Да, он оступился, но, как бы ни развивалась ситуация, он один из нас, был и остается, даже если стал преступником. У него есть шанс искупить свою вину.

По мере приближения дня Победы подобные обращения становились все более актуальными. Число хиви и иных предателей в процентном отношении становилось все большим по мере роста потерь германской армии. При этом неизбежность поражения их новых хозяев стала очевидной. Пропаганда, адресованная предателям, была достаточно действенной. Можно отметить следующий случай: переход в 1943 году 1-й «русской национальной бригады» СС «Дружина» на сторону партизан. Более тысячи человек вошли в состав «1-й антифашистской партизанской бригады», принимавшей активное участие в борьбе с оккупантами. Ее командир, подполковник В. В. Гиль-Родионов, был награжден орденом Красной Звезды [ГА РФ. Ф. Р7523. Оп. 4. Д. 194. Л. 94]. Впрочем, многие из данного подразделения СС были повешены, поскольку принимали участие в совершении различных преступлений. Среди них были и белоэмигранты.

Необходимо отметить, что в формировании образа врага в лице коллаборационистов парадоксальным образом советская власть обращалась к ним как к людям, которые, с одной стороны, являлись врагами и преступниками, но с другой оставались своими по происхождению. У них имелся шанс искупить вину. Объяснять своему народу, что предатель является врагом, по сути, не требовалось. Сговор с бесчеловечным противником в своей аморальности был очевиден каждому. Вместе с тем излишнее ожесточение придавало врагу в бою ярость обреченных. Пропаганда, нацеленная именно на коллаборационистов, была необходима. Она морально разлагала людей, уже один раз совершивших предательство. Многие хиви, которые не принимали непосредственного участия в боевых действиях и не совершали зверств против мирного населения, по приговорам трибуналов сохранили свою жизнь.

Но нельзя забывать, что сам факт осознания своей вины и возвращение в строй не являлся индульгенцией. Лица, ставшие идейными пособниками фашистов, принимавшие участие в уничтожении мирного населения, привлекались к суду военных трибуналов, и многих из них ждала смертная казнь. Как правило, их публично вешали как преступников на глазах простого народа. Коллаборационист в глазах советских солдат и мирного населения являлся предателем, врагом.

На освобожденных территориях происходило активное разоблачение политики и преступлений нацистов. Ряд случаев подобного рода был зафиксирован в «Вестниках фронтовой информации» Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), а также в материалах Политуправлений. В документе под названием «На освобожденной земле» приведен рассказ от 9 июля 1944 года 16-летней девушки Нины Медюшко, сбежавшей из Лецельского концентрационного лагеря: «В три часа утра приходил немец и будил нас. Тех, кто спал крепко, поднимали палкой. Работали мы на строительстве железной дороги допоздна. Кормили один раз в день — двести граммов хлеба из опилок и гнилого картофеля да тарелка баланды. В лагере ежедневно умирало несколько человек от истощения и непосильной работы. С нами работали и 10–12-летние дети» [ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 21. Д. 30. Л. 72–73]. В материалах от 18 июля 1944 года фигурирует «Рассказ Франца Крача», жителя деревни Новоселки: «Немец равно ненавидит и русских, и белорусов, и поляков, и литовцев. В Березвичах был лагерь для русских пленных. Наши люди не могли смотреть на их страдания. Их расстреливали ежедневно десятками, десятки умирали с голоду. Многие из наших бросали за колючую изгородь хлеб, немцы обстреливали смельчаков. Однажды в лагере раздалось пение Интернационала. Немцы открыли пулеметный огонь. Толпа ринулась на гитлеровцев. Сотни трупов создали непреодолимый для огня барьер. Тогда из лагеря убежало много советских людей. Страшную расправу над евреями учинили фашисты в городе Глубокое. Там было устроено гетто, в котором томилось 8 тысяч женщин, детей и стариков. С несчастными людьми немцы расправлялись за несколько часов. Прилетела группа бомбардировщиков и начала бросать бомбы. Пулеметчики открыли огонь. Ни один человек не ушел отсюда живым. Мы спрашивали друг друга: за что и откуда такая жестокость? И мы ответили друг другу — мы имеем дело не с человеком, а со зверем» [Там же, л. 144].

Советские власти активно собирали информацию о настроениях среди населения освобожденных и оккупированных территорий. В материалах Политуправления 3-го Белорусского фронта об агитационно-пропагандистской работе в Красненском и Руднянском районах Смоленской области записан рассказ работницы колхоза «Пробуждение» Пустосельского сельсовета Красненского района: «Немцы, бывало, твердили нам: “В России остались малые, да старые, а Красную Армию мы перебили”, — но только стали слышать мы, что Красная Армия стала бить немцев, и вот пришла она. Все молодые, одеты красиво, с погонами, автоматы, танки, самолеты, все есть и много. Питаются хорошо. Мы очень обрадовались» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 235. Л. 68]. Работница колхоза «Честный труд» Толстиковского сельсовета Красненского района Настя Индюкова в беседе сказала: «Что-то, Гитлер, видимо, уже довоевался до ручки, потому что везде отступает, и везде его бьют. Это ему не 41-й год» [Там же, л. 69].

Одновременно с этим фиксировались факты негативных настроений среди граждан по отношению к советской власти. Так, сына колхозницы Барашковой из колхоза имени Ворошилова Мервинского сельсовета Руднянского района направили на оборонные работы. Когда он пришел в дом за продуктами, мать ему сказала: «Я продуктов тебе не дам, ты идешь окопы рыть для Сталина, а я эту власть ненавижу, я ожидаю немцев, мне при немцах жилось в несколько раз лучше» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 235. Л. 73]. Колхозница Шаракова из того же колхоза говорила: «При немецких порядках жить можно. Немцы — народ хороший, они народ не обижали, вот только наши сволочи-полицаи да партизаны, они только нам и не давали житья. Если бы не они, мы бы и горя не видели» [Там же]. Отрицательные и явно враждебные настроения части населения оккупированных территорий были связаны с опасениями возможности конфискации имущества, недовольством мобилизацией в армию, национально-буржуазными настроениями, отдельными фактами мародерства и насилий, проявляемыми некоторыми военнослужащими.

Важную пропагандистскую роль в трансформации образа врага сыграл «парад побежденных» в Москве. Руководителем операции «Большой вальс» по проводу немецких военнопленных по улицам столицы был назначен Л. П. Берия. Проведение операции обеспечивали 12 тыс. солдат и сотрудников Народного комиссариата внутренних дел СССР (НКВД). Непосредственным руководителем движения колонн являлся командующий войсками Московского военного округа генерал-полковник П. А. Артемьев.

Всего было отобрано более 57 тыс. пленных солдат и офицеров, физически способных принять участие в шествии. 14 марта 1944 года они начали прибывать в столицу. Информация о причинах их доставки в Москву не разглашалась. Большинство военнопленных было разме-

щено на ипподроме «Динамо». Населению о конвоировании немцев было сообщено 17 июля 1944 года — за несколько часов до начала движения колонн.

Движение военнопленных осуществлялось двумя колоннами, которые возглавляла группа из 19 генералов, 1 227 офицеров, включая 6 полковников и подполковников. Немцы участвовали в параде в своем обмундировании, которое часто отличалось крайней ветхостью — секретность мероприятия не позволила им привести себя в порядок. По окончании шествия военнопленные были доставлены к местам своего заключения [Бобров, 2007].

Значение операции «Большой вальс» трудно переоценить. Она обладала большим символизмом и в то же время играла вполне прагматичную роль. Всему миру были показаны десятки тысяч пленных германских военнослужащих как доказательство разгрома группы армий «Центр». При этом для показательного марша их доставили в Москву буквально через несколько дней или недель после пленения. Они были оборваны, небриты, часто с выражением испуга, ужаса и отчаяния на лице. Подобное состояние нельзя объяснить только фактом нахождения в советском плену. Многие из них менее месяца назад еще были на своих позициях. Десятки тысяч пленных солдат, прошедших по улицам Москвы, деморализовали противника и внушали уверенность в неизбежности победы союзников. Весь мир увидел, что германская армия больше не похожа на те войска, которые маршировали по улицам Парижа, Варшавы, Белграда и других городов. Одновременно с этим союзникам дали понять, что во многом успех их высадки в Нормандии был обеспечен СССР, а достижение победы осуществлялось совместными усилиями антигитлеровской коалиции. Адресатом показа «парада побежденных» был не только советский народ, но и весь мир.

Для формирования образа врага характерным являлся ряд факторов, среди которых необходимо отметить следующие:

1. Ирония над врагом. Неприятель хотел пройти маршем по столице СССР и в результате сделал это. Но это был марш побежденных. Враг повержен, и его солдаты по сути стали трофеем советской армии. Они сложили оружие, сохранив свои жизни. Показательно, что во главе колонны шли 19 генералов и офицеры, которые посылали своих солдат на смерть, а теперь трусливо выбрали жизнь в плену.

2. Непрезентабельный внешний облик военнопленных в рваном обмундировании. Не следует забывать и о проблемах с пищеварением, вызванных недостаточным питанием и полученной накануне марша жирной пищей. Поливальные машины, ехавшие позади колонн пленных, имели и сугубо утилитарную функцию. В данном случае речь во многом идет о глумлении над жестоким и безжалостным врагом, который не щадил ни женщин, ни детей. Такой враг мог вызывать не столько жалость, сколько омерзение.

3. Демонстративность проводимой акции. Советскому народу был показан реальный образ врага, с которым сражалась Красная армия. Военнопленных намеренно вели через столицу, оповестив об этом граждан, которые свободно могли наблюдать за этим зрелищем — враг повержен, и советский народ должен знать это. Немец еще сопротивляется, но День Победы близок. Многие жители Москвы не видели своими глазами жестокого врага, хотя и знали о его преступлениях. Теперь им эта возможность была предоставлена. Мщение над ним свершалось прямо сейчас, в данную минуту, на глазах у людей, ставших жертвами войны.

4. Несоразмерность численности военнопленных и конвоирующих их солдат, что заметно на кадрах кинохроники. По улицам столицы шли без малого 60 тыс. немецких солдат в плотных колоннах. Сопровождали их солдаты НКВД, в десятки раз уступавшие по численности военнопленным. При этом советские военнослужащие охраняли пленных немцев от многочисленных жителей Москвы. Немцам некуда было бежать, и скорее страх оказаться в руках советских людей удерживал строй.

5. Намеренный контраст внешнего облика военнопленных и жителей Москвы, что также запечатлели кадры кинохроники. Оператор нарочито показывал одетых в чистые мундиры советских солдат и офицеров, на груди которых сверкали ордена и медали. Намеренно исключение было сделано для генералов и офицеров германской армии: им оставили награды, но они не значат ничего, поскольку их обладатели повержены.

6. Различное отношение жителей Москвы к военнопленным. Фиксировались оскорбления, но преобладало глухое молчание. Важно отметить, что, несмотря на колоссальные жертвы,

которые понес советский народ, ни один военнопленный не был убит или покалечен людьми, потерявшими своих близких. Поразительное самообладание, мужество и выдержка, проявленные нашим народом, навсегда остались в истории.

Следует отметить особенности изменения пропагандистской политики по мере продвижения советских войск за пределы СССР. Нормативные документы относительно правил поведения на занятых РККА территориях зарубежных государств по отношению к пленным солдатам противника, а также мирному населению этих территорий издавались по мере приближения наших войск к границам страны, а также в последующем при занятии ими зарубежных территорий.

Акты мести после активной советской пропаганды нескольких лет войны были неизбежны. Советскому руководству пришлось урегулировать эти вопросы в правовом поле путем принятия особых директив, вынесения обвинительных приговоров в рамках показательных судебных процессов. Например, директива Ставки Верховного главнокомандующего № 11072 командующим войсками 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов о необходимости гуманного отношения к немецкому населению и военнопленным от 20 апреля 1945 года предписывала:

1. Потребовать от войск изменить отношение к немцам, как к военнослужащим, так и к гражданскому населению, и обращаться с ними лучше. Жестокое обращение вызывало бязнь и заставляло врага упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, собиралось в банды — «такое положение нам невыгодно». Более гуманное отношение к немцам должно было облегчить ведение боевых действий, снизить упорство неприятеля в обороне.

2. Создавать немецкую администрацию в землях Германии, назначать бургомистров в освобожденных городах. Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относились к Красной армии, предлагалось не трогать, но задерживать лидеров, «если они не успели удрать».

3. Не допускать снижение бдительности и панибратства со вчерашним врагом в результате улучшения отношения к немцам [ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 212. Л. 13].

Указанная директива дополнялась приказами о необходимости донесения данной информации до командования воинских частей и каждого рядового солдата и обязательным отчетом об исполнении приказов и обнаружении выявленных фактов нарушений законности.

В этом нормативном документе отражена позиция советского командования по отношению к тем, кто именовался врагом. Причем отношение к населению занятых территорий должно было отличаться значительной мягкостью. Мирное население, не бравшее в руки оружие, не должно было считаться врагом. При этом речь шла не столько о гуманизме, сколько о прагматичной оценке ситуации. Необходимо было улучшить отношение к советским солдатам, не допускать ужесточения отношений в будущем.

Заключение

Для обеспечения скорейшей победы над врагом задачи пропагандистской работы с сентября 1943 года были скорректированы. Фронт отодвигался все дальше на запад, и советские войска начинали освобождать не только свою территорию, но и другие захваченные гитлеровцами государства. Тотальную войну на уничтожение Германии и ее союзников СССР не вел и не уподоблялся своим противникам. Доминирующей становится идея, согласно которой лица из числа военнослужащих, а также мирного населения, включая рядовых членов нацистской партии, лояльные по отношению к советскому командованию и не оказывавшие сопротивления, заслуживают к себе гуманного отношения.

При этом нельзя сказать, что образ врага «смягчался». Этого не произошло. Советские солдаты, потерявшие своих близких, жаждали мщения. Но облик противника становился более персонализированным. Уничтожению подлежал не любой из пособников фашистов, а лишь тот, кто не сложил оружия, только тот, кто представлял опасность. Подобное изменение пропагандистской политики было сугубо прагматичным. Нельзя было уподобиться тому злу, с которым советский солдат вел борьбу, и дать врагу уверенность в том, что он обречен. Упорство людей, знающих, что их ожидала смерть, становилось причиной больших потерь и только отдаляло победу.

Значительную роль на завершающем этапе войны играл и образ предателя, перешедшего на сторону врага. Военнопленные, а также перебежчики, принявшие присягу на верность врагу, не нуждались в особом пропагандистском осуждении. Априори они были предателями своего народа. Попадая в руки советских войск, они не считались военнопленными и не могли рассчитывать на гуманное отношение. Но в то же время советская пропаганда обращалась и к ним, обещая прощение при искуплении вины, если те вновь обратят оружие против немцев и их союзников. Пропаганда взывала к осознанию общности с русским народом и непримиримости борьбы с иноземцами.

Немаловажной стала возможность воочию показать советскому народу и мировой общественности облик солдат некогда победоносной германской армии. «Парады побежденных» в конце войны были проведены в ряде городов СССР. Подобная пропагандистская акция по силе своего воздействия и исполнению не имела равной в мировой истории.

Список источников

1. Бобров В. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. — М. : Кучково поле, 2007. — Т. 5, кн. 2. — 271 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. Р7523. — Оп. 4. — Д. 194. — Л. 94 ; Ф. 4459. — Оп. 21. — Д. 30. — Л. 72–73 ; Д. 30. — Л. 144.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 138 ; Д. 235. — Л. 68 ; Д. 235. — Л. 69 ; Д. 235. — Л. 73.
4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). — Ф. 148а. — Оп. 3763. — Д. 212. — Л. 13.

References

1. Bobrov V. *Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne: sb. dok.* [State security bodies of the USSR in the Great Patriotic War: collection of documents]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2007, vol. 5, bk. 2, 271 p. (In Russian).
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF)* [State Archives of the Russian Federation (GA RF)]. F. R7523. Op. 4. D. 194. L. 94; F. 4459. Op. 21. D. 30. L. 72–73; D. 30. L. 144. (In Russian).
3. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. F. 17. Op. 125. D. 138; D. 235. L. 68; D. 235. L. 69; D. 235. L. 73. (In Russian).
4. *Tsentralnyy arkhiv Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii (TSAMO RF)* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (CAMD RF)]. F. 148a. Op. 3763. D. 212. L. 13. (In Russian).

Информация об авторе

Макарова Олеся Сергеевна — аспирант кафедры Новейшей истории России института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Сфера научных интересов: история России XX–XXI веков, история Великой Отечественной войны, гражданский патриотизм и героизм в 1941–1945 годах, история развития пропаганды в СССР, история русского театра, юриспруденция (конституционное право, гражданское право, уголовное право, защита прав потребителей).

Information about the author

Makarova Olesya Sergeevna — postgraduate student of the Department of Contemporary Russian History, Institute of History, Saint Petersburg State University.

Research interests: history of Russia of the 20th and 21st centuries, history of the Great Patriotic War, civil patriotism and heroism in 1941–1945, history of the propaganda in the USSR, history of Russian theater, jurisprudence (constitutional law, civil law, criminal law, consumer rights protection).

Статья поступила в редакцию 10.08.2023; принята к публикации 15.11.2023.

The article was submitted 10.08.2023; accepted for publication 15.11.2023.